

*Профессор протоиерей Иоанн БЕЛЕВЦЕВ*

## ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

В 1988 году Русская Православная Церковь вместе с тысячелетием Крещения Руси отметит и другой знаменательный юбилей — тысячелетие своего исторического бытия, ибо как Церковь Поместная она возникла в результате Крещения Руси. Историческое развитие и духовное возрастание юной Поместной Русской Церкви обусловили ее Автокефалию (1448) и Патриаршество (1589). Крещению Руси и образованию Русской Православной Церкви предшествовал длительный процесс христианизации восточнославянских племен, издавна расселившихся на обширных пространствах Восточно-Европейской равнины. Этот процесс, завершившийся Крещением Руси при святом князе Владимире, послужил прочным основанием для возникновения новой Поместной Русской Православной Церкви.

Есть основания полагать, что к восточнославянским племенам христианская вера стала проникать еще в первые века по Рождестве Христовом. Так, Ориген († 254), слова которого приводит в своей «Церковной истории» (книга III, гл. I) Евсевий Кесарийский († 340), ссылаясь на дошедшее до него предание, говорит: «Святые апостолы и ученики Спасителя нашего рассеялись по всей вселенной. Фоме, как говорит предание, выпал жребий идти в Парфию, Андрею в Скифию (рядка моя.—И. Б.), Иоанну в Азию, где он жил и умер в Ефесе»<sup>1</sup>. Скифией, со времени древнегреческого историка Геродота (V в. до Р. Х.), описавшего ее, называлась территория Северного Причерноморья между реками Доном и Дунаем, где в разное время обитали различные племена и народы, в том числе и восточные славяне.

Церковные писатели Тертуллиан († 240), Афанасий Александрийский († 373), Иоанн Златоуст († 407), Иероним Стридонский († 420) также называют скифов (в их время скифы — это не этническое, а собирательное имя) в числе народов, между которыми было распространено христианство. «Гунны изучают Псалтирь, а холода Скифы пылают жаром веры», — говорит Иероним<sup>2</sup>. Последние его слова воспринимаются как гипербола, но самый факт раннего распространения христианства в Северном Причерноморье, где была раскинута сеть греческих городов-колоний (Ольвия, Тирас, Танаис, Херсонес, Феодосия, Пантикапей), не подлежит никакому сомнению, так как подтверждается не только письменными, но и археологическими данными.

В III—IV вв. в Северном Причерноморье уже существовало несколько греческих епархий, из которых наиболее важное значение для христианизации восточнославянских племен могли иметь Херсонесская в Крыму и Скифская в низовьях Дуная. По великому водному пути «из

варяг в греки», соединявшему Балтийское море с Черным, христианство могло проникать на Север, и прежде всего к восточнославянскому племени полян, центром которых был г. Киев. Южные восточнославянские племена — уличи и тиверцы, обитавшие между нижним Днестром и нижним Дунаем, находились в непосредственном соседстве с греческой колонией Тирас (в устье Днестра) и Скифской епархией. Греческие миссионеры не могли не обратить внимания на жившие с ними по соседству восточнославянские племена. В VI веке, по свидетельству Прокопия Кесарийского (VI в.), уличи и тиверцы совместно с дунайскими славянами совершают набеги на Византию, служат в византийских войсках, что также способствовало ознакомлению их с христианской верой. Однако в этот ранний период христианство не могло прочно утвердиться среди восточнославянских племен как из-за отсутствия у них государственности, так и ввиду начавшегося переселения народов. Неисчислимы орды различных кочевников (гунны, авары, болгары, мадьяры и др.), хлынувших через Северное Причерноморье в Европу, уничтожали следы христианства даже там, где оно уже успело укорениться. Эти неблагоприятные условия, естественно, мешали более раннему историческому становлению Русской Православной Церкви.

Наиболее благоприятное время для христианизации восточнославянских племен наступило со второй половины IX века, когда они объединились в единое государство — Киевскую Русь, имевшую определенные взаимоотношения с христианской Византией. Следует заметить, что IX век в плане христианизации имел важное значение для всего славянского мира. Миссионерская деятельность среди славян св. братьев Кирилла († 869) и Мефодия († 885), архиепископа Великоморавского, которые изобрели славянскую азбуку, перевели Священное Писание и богослужебные книги на славянский язык, обусловила образование христианских Церквей в славянских странах на национальных основах. После христианизации в IX веке Болгарии христианская вера стала проникать на Русь и из этой страны.

Во второй половине IX века политические и торговые связи молодого Древнерусского государства с Византией и Болгарией все более расширяются и углубляются, поэтому и возможность для дальнейшей христианизации Киевской Руси значительно увеличиваются. Киевские князья Аскольд и Дир (862—882 годы по летописной хронологии) своим неудачным походом на Константинополь, датируемым русской летописью 866 годом<sup>3</sup>, первыми проложили путь христианству из Византии в Киевскую Русь. Современник и очевидец их нападения Константинопольский патриарх Фотий († 891) в своем окружном послании (867) к восточным патриархам, в частности, отмечал, что не только болгары, но и «так называемые руссы... променяли эллинское и нечестивое учение (т. е. язычество.—И. Б.), которое сохранили прежде, на чистую и неподдельную веру христианскую... приняли епископа и пастыря и лобызают верования христиан с великим усердием и ревностью»<sup>4</sup>. Разумеется, речь шла не о крещении всего народа, а о частичном обращении руссов в христианство. Подтверждением тому может служить сообщение арабского писателя Масуди (X в.), который в своем сочинении «Золотые луга» замечает: «Из склабов (т. е. славян.—И. Б.) одни — христиане, другие — язычники... Из всех склабских царей сильнейший

есть Дир»<sup>5</sup>. Сообщение русской летописи под 882 годом о том, что на могиле Аскольда впоследствии был построен храм святого Николы, как будто бы указывает на факт принятия Аскольдом христианства.

Возникшая в 60-х годах IX столетия киевская христианская община, возможно, во главе с епископом, несомненно, оказала свое влияние «на дальнейшее развитие христианства и христианской культуры на Руси»<sup>6</sup>. Во время княжения Игоря (913—945) христианская миссия в Киеве делает значительные успехи: количество христиан возрастает, усиливается их влияние, и государственной власти приходится с этим считаться. Христиане наравне с язычниками участвуют в заключении договора между Киевской Русью и Византией в 944 году. Из текста договора и сообщения летописи видно, что Русь при Игоре как бы официально разделяется на крещеную и некрещеную. В летописи при этом упоминается и церковь святого Илии, в которой киевские христиане приносили присягу в соблюдении условий заключенного договора, тогда как язычники во главе с Игорем присягали перед идолом Перуна. Вполне допустимо, что такое благожелательное отношение к киевским христианам со стороны князя-язычника объясняется не только его государственным благоразумием, но и влиянием его предрасположенной к христианству супруги княгини Ольги († 969).

Ее обращение, сперва внутреннее, а потом и открытое, было обусловлено общением с киевскими христианами, их усилиями обратить в христианскую веру «мудрейшую из всех людей», как характеризует летопись (987) княгиню Ольгу. Мудрая княгиня Ольга путем простого сравнения христианства с русским язычеством могла убедиться в превосходстве благодатной веры Христовой. Управляя с 945 года древнерусским государством за малолетнего сына Святослава, княгиня Ольга не могла не обратить внимания на то обстоятельство, что христианская вера стала уже достоянием многих европейских государств. Как бы пролагая для Киевской Руси своим примером путь к христианству, княгиня Ольга принимает святое крещение.

Это важнейшее событие в христианизации Киевской Руси, если обобщить все многообразие существующих взглядов по вопросу о времени и месте крещения княгини Ольги, произошло в 954—959 годах в Константинополе или же в Киеве. Не вдаваясь в решение спорного вопроса, отметим, что независимые один от другого имеющиеся пять источников русского, греческого и латинского происхождения, расходясь в хронологии, согласно утверждают, что княгиня Ольга приняла крещение в Константинополе, куда она ездила, как это видно из сочинения византийского императора Константина Порфирогенита «О церемониях византийского двора», в сопровождении священника Григория и многочисленной свиты в 957 году. Может быть, в этом году она была там и крещена, хотя умолчание об этом императора Константина, принимавшего Ольгу, остается загадочным и ведет к научным разногласиям.

Став христианкой, княгиня Ольга (в крещении Елена), по образному выражению летописи (969), своей благочестивой жизнью сияла среди язычников, «как луна в ночи». В ее лице киевские христиане имели теперь высокого покровителя. Однако сохранившиеся исторические известия об уничтожении княгиней Ольгой, по возвращении из Константинополя, идольских «требищ» (т. е. жертвенников.— *И. Б.*),

по-видимому, нельзя понимать в широком смысле — уничтожения ею языческого культа вообще и христианизации Древнерусского государства в целом<sup>7</sup>, ибо для этого у княгини Ольги еще не было ни возможностей, ни соответствующих условий. И все же по проложенному княгиней Ольгой пути значительно легче было потом идти крестителю Руси — ее внуку Владимиру, ибо она, выражаясь языком летописи (969), явилась утренней зарей, предваившей восход солнца.

Княгине Ольге хотелось видеть христианином своего сына Святослава, но воинственному князю религия любви и мира пришлось не по душе. «Но если кто собирался креститься, то не запрещал, а только насмехался над тем», — замечает летописец (955) о Святославе. Конечно, это своеобразное моральное гонение на желающих принять крещение не могло быть, пока была жива княгиня Ольга († 969), серьезным препятствием для дальнейшей христианизации Киевской Руси. Тем более что Святослав часто и подолгу отсутствовал в Киеве, совершая с дружиной далекие походы то на Волжско-Камскую Болгарию, Хазарию и Северный Кавказ в 964—966 годах, то на Дунайскую Болгарию в 967—971 годах, а управление государством в это время находилось в руках княгини Ольги, как и воспитание его детей — Ярополка, Олега и Владимира.

В правление старшего сына Святослава Ярополка (972—978) положение киевских христиан не могло измениться к худшему, так как Ярополк был женат на христианке и, как старший, более других внуков княгини Ольги подпал под влияние ее христианских наставлений.

При князе Владимире (978—1015) в Киевской Руси происходят радикальные перемены: при нем христианство из веры частной и терпимой становится религией государственной. Это произошло, конечно, не сразу. В первые годы своего правления князь Владимир, получивший языческое воспитание в Новгороде, показал себя ревностным язычником. «И стал Владимир княжить в Киеве один, — сообщает летописец, — и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, затем — Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокоша. И приносили им жертвы, называя их богами... И осквернилась кровью земля Русская и холм тот...».

Когда и как произошел в душе князя Владимира глубокий внутренний поворот к христианству — установить это, разумеется, невозможно. Можно лишь указать на некоторые причины перерождения Владимира-язычника во Владимира-христианина. «Пришло на него (т. е. Владимира. — И. Б.) посещение Вышнего, призрело на него всемилостивое око благого Бога, и воссиял в сердце его разум, — говорит в своем «Слове о Законе и Благодати» митрополит Иларийон. — Он уразумел суету идольского заблуждения и зыскал единого Бога, сотворившего все видимое и невидимое. Он всегда слышал о православной, христоролюбивой и сильной верою земле греческой... Слыша все это, возгорелся он духом и возжелал сердцем быть христианином и обратит всю землю свою в христианство»<sup>8</sup>. Для князя Владимира понять превосходство христианства над язычеством и в силу этого понимания стать христианином было тем легче, что он обладал, по свидетельству митр. Иларийона, «добрым смыслом и острым умом»<sup>9</sup> и имел полную возможность основательно познакомиться с христианской верой у себя в Киеве, где давно

уже существовали христианские храмы и совершалось богослужение на славянском языке.

По вопросу о времени и месте крещения князя Владимира существует несколько научных версий. По одной из них, князь Владимир принял крещение в 988 году в покоренном им греческом городе Херсонесе (Корсуни) в Крыму (около Севастополя); по другой — от киевских христиан-варягов в 987 году в г. Василёве (теперь г. Васильков); по третьей — в 987 году в Киеве от греков. Данные источников не позволяют еще окончательно разубить gordнев узел хронологической проблемы и связанный с нею вопрос о месте крещения князя Владимира. В конце концов, важно не это, где и когда крестился князь Владимир, а то, что он «возгорелся духом и возжелал сердцем быть христианином».

Личное принятие христианской православной веры, несомненно, воодушевило князя Владимира на великое дело — «обратить всю землю свою в христианство» (Иларион). В этом важном деле, касающемся всего народа, он руководствовался, конечно, не только религиозным воодушевлением, но и государственными побуждениями, ибо для целого народа задуманное князем Владимиром обращение Киевской Руси в христианство означало приобщение его к более высокой культуре христианских народов и более успешное развитие своей культурной и государственной жизни. Как человек большого государственного ума, князь Владимир прекрасно понял веление своего времени и блестяще осуществил насущную потребность древнерусского народа, приобщив его к христианству и христианской цивилизации.

Тот факт, что князь Владимир принял христианство в его восточной, а не западной форме и своему народу также решил дать не западную католическую, а восточную православную веру, объясняется тем, что Киевская Русь имела давние связи с Византией, откуда и ранее проникла на Русь христианская православная вера и имела своих последователей, а также и тем, что Византия в это время была самой культурной страной. Видимо, в целях более успешного осуществления своих христианизаторских замыслов и получения из Византии необходимого в этом помощи, особенно в деле организации церковного управления и развития духовной культуры, после взятия греческого города Херсонеса (по-русски — Корсуни) князь Владимир вступает в родство с византийскими императорами Василием II (976—1025) и Константином (976—1028), женившись на их сестре Анне. Возвратившись в Киев с супругой Анной, греческим духовенством, различной церковной утварью и святынями (кресты, иконы, мощи), князь Владимир приступил к государственному введению христианства на Руси.

Введение христианства на Руси в качестве новой государственной религии, сменившей официальное язычество, было на данном этапе вполне закономерным явлением и не могло вызвать серьезных внутренних осложнений, хотя в некоторых отдаленных от центра Киевской Руси местах (Новгороде, Муроме, Ростове) не обошлось без открытой борьбы, поднятой предводителями язычества волхвами. Языческая религия русских славян в это время находилась на переходной ступени от непосредственного обоготворения различных явлений и сил природы к их олицетворению, отличалась слабо развитым культом, не имея ни

сословия жрецов, ни храмов, почему и не могла оказать сильного и организованного сопротивления насаждаемому христианству с его возвышенным учением и торжественным богослужением, совершаемом на понятном славянском языке.

Крещение Руси началось с жителей ее столицы — Киева. Прежде всего князь Владимир крестил своих сыновей и многих бояр, затем приказал уничтожить языческих идолов. В назначенный день произошло массовое крещение киевлян в Днепре. Это событие совершилось, согласно летописной хронологии, в 988 году.

Крещение Руси — это и день рождения Русской Православной Церкви, для образования которой имелись теперь все необходимые условия: появилась многочисленная паства, явились из Византии епископы во главе с митрополитом, из Болгарии прибыли священники с богослужебными книгами на славянском языке, строились храмы, открывались духовные училища.

Вслед за Киевом происходит постепенное крещение жителей других городов и областей Киевской Руси. При князе Владимире († 1015) подавляющее большинство русских людей приняло христианскую веру. Однако апостольская миссия Русской Православной Церкви продолжалась: кое-где Русь еще оставалась языческой, а в перспективе виделось необозримое поле для миссионерской деятельности среди иноплеменников внутри и вне Руси. В конце XI века благодаря миссионерским трудам епископов ростовских Леонтия († 1077) и Исаии († 1089) христианство окончательно утверждается в Ростово-Суздальской земле. В начале XII века — в Муромо-Рязанской земле, крестителем которой был князь Константин (Ярослав) Святославич (1096—1129). Племена вятичей и радимичей, вошедшие в состав Древнерусского государства в конце XI века, обращены были преподобным Кукшей, иноком Киево-Печерского монастыря. Этим внешне почти завершился продолжительный и сложный процесс Крещения Руси.

Одновременно с Крещением Руси возникла необходимость в построении большого количества храмов, так как православное богослужение, совершаемое на понятном народу языке, было могущественным религиозно-просветительным и духовно-воспитательным средством воздействия на него. Поэтому князь Владимир, как об этом сообщает летопись (988), «приказал рубить (т. е. строить деревянные. — И. Б.) церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. И поставил церковь во имя святого Василия (князь Владимир в крещении был назван Василием. — И. Б.) на холме, где стоял идол Перуна и другие и где творили им требы князь и люди. И по другим городам стали ставить церкви, и определять в них священников, и приводить людей на крещение по всем городам и селам». С помощью греческих мастеров князь Владимир построил в 991—996 годах в Киеве грандиозный по своим размерам и великолепию каменный храм в честь Успения Божией Матери (Десятинный), который монументально олицетворял Русскую Православную Церковь и выражал собой истинный триумф христианства над язычеством в Киевской Руси.

Свой равноапостольный подвиг князь Владимир не ограничил только тем, что «крестил всю землю русскую... и все города ее украсил свя-

тыми церквами» (монах Иаков), но вместе с тем позаботился о насаждении на Руси просвещения. По словам летописи (988), князь Владимир велел «собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное», под которым разумеется получение систематического образования. Следует отметить, что большую помощь в развитии просвещения оказала Болгария, щедро посылавшая на Русь учителей и необходимую литературу на славянском языке.

После князя Владимира († 1015) начатое им дело просвещения Руси продолжает успешно развиваться. При князе Ярославе Мудром (1019—1054), по словам летописи (1037), «начала вера христианская плодиться и распространяться, и черноризцы стали множиться, и монастыри появляться», «увеличилось число пресвитеров и людей крещеных» и было построено «множество церквей». Здесь достаточно указать на то, что в правление Ярослава Мудрого были построены такие выдающиеся памятники русского церковного зодчества, как киевская София (заложена в 1037 году) и новгородская София (1045—1050), а также возникает знаменитый Киево-Печерский монастырь (с 1051 года), имевший огромное значение в религиозной и культурной жизни Руси.

Для подготовки духовенства Ярослав Мудрый в 1030 году открыл в Новгороде школу, в которой обучалось 300 детей. Не без оснований можно полагать, что подобные школы существовали при некоторых других архиерейских кафедрах, и прежде всего в самом Киеве. Развитие просвещения необходимо предполагает наличие литературы, книг. Перевод новой литературы и умножение книг путем переписки их было предметом особого попечения Ярослава Мудрого. Сам Ярослав Мудрый, по словам летописи (1037), «к книгам проявлял усердие, часто читая их и ночью, и днем. И собрал книгописцев множество, которые переводили с греческого на славянский язык. И написали они много книг, по которым верующие люди учатся и наслаждаются учением божественным... Ярослав же... любил книги и, много их переписав, положил в церкви святой Софии, которую создал сам». Последние слова летописи обычно понимают в том смысле, что Ярослав Мудрый при храме святой Софии основал первую публичную библиотеку на Руси.

Верно и образно охарактеризовал русский летописец (1037) деятельность Владимира Святого и Ярослава Мудрого в деле Крещения и просвещения Руси, когда сказал: «Как бывает, что один землю распашет, другой же засеет, а третьи пожинают и едят пищу неоскудевающую, так и здесь. Отец ведь его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть Крещением просветил. Этот же (Ярослав. — *И. Б.*) засеял книжными словами сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение получая книжное».

В результате Крещения Руси при князе Владимире появилась новая многоплодная ветвь Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви— Поместная Русская Православная Церковь, которая осуществляет свою спасительную миссию целое тысячелетие. Благодаря апостольской миссии Русской Православной Церкви христианская вера постепенно распространилась в Прибалтике, Карелии, на Крайнем Севере, в Поволжье, на Кавказе, в Сибири, на Алтае, в Китае, Корее, Японии, на Алеутских островах, Аляске и в Северной Америке. Около 40 различ-

ных народностей полностью или частично приняли христианскую веру от миссионеров Русской Православной Церкви.

Из них особенно выделяется своим апостольским подвигом святой Стефан, епископ Пермский († 1396), просветитель зырян. Он изобрел для зырян особую азбуку, перевел на зырянский язык необходимые библейские и богослужебные книги, открыл училище для подготовки зырянского духовенства, кроме того, он всячески защищал зырян от притеснений со стороны княжеских чиновников, в неурожайные годы обеспечивал подвоз хлеба из Вологды и Устюга для раздачи голодающему населению, оказывал нуждающимся материальную помощь из средств архиерейской казны. Основные черты миссионерской деятельности святого Стефана Пермского были характерны для многих других русских миссионеров, среди которых нельзя не упомянуть святых Феодорита Кольского († 1577) и Трифона Печенгского († 1583), просветителей Лапландии; митрополита Тобольского Филофея Лещинского († 1727), за четверть века своего пребывания в Западной Сибири обратившего в христианство 40 тысяч остяков, вогулов и другие народности; святого Иннокентия (Вениаминова; 1797—1879), митрополита Московского, обширным полем миссионерской деятельности которого в течение сорока четырех лет (1824—1867) в сане священника и первого епископа Камчатского (с 1840 года) были Алеутские острова, Аляска, Камчатка, Якутия и Приамурье; и, наконец, святого равноапостольного архиепископа Японского Николая (Касаткина; 1836—1912), который своими трудами основал Японскую Православную Церковь.

Под воздействием Русской Православной Церкви в сфере семейной, общественной и государственной жизни русского народа происходят важные изменения, а именно: изживаются такие грубые языческие обычаи, как кровная месть, полигамия, «умыкание» (похищение) девиц для брака; укрепляется семья, возвышается материнский авторитет и гражданская правоспособность русской женщины; восстанавливается нарушаемый княжескими междоусобицами мир. «Князь! — говорил митрополит Никифор II великому князю Рюрику Ростиславичу. — Мы поставлены от Бога в земле Русской, чтобы удерживать вас от кровопролития». Кроме того, «христианская Церковь подняла значение княжеской власти в Киеве на большую высоту и упрочила связь между частями государства»<sup>10</sup>. Говоря о воздействии Русской Православной Церкви в деле обновления и укрепления нравственных основ народной жизни, конечно, нельзя забывать и того, как правильно подметил видный русский историк В. О. Ключевский, что «Церковь действует на особом поприще, отличном от поля деятельности государства. У нее своя территория — это верующая совесть, своя политика — оборона этой совести от греховных влечений. Но, воспитывая верующего для грядущего града, она постепенно обновляет и перестраивает и град, zde преобладающий. Это перестройка гражданского общежития под действием Церкви — таинственный и поучительный процесс в жизни христианских обществ»<sup>11</sup>.

Крещение Руси способствовало значительному подъему духовной культуры: широкому распространению на Руси грамотности и образования, появлению переводной и возникновению собственной русской литературы, развитию русского церковного зодчества и иконописи.

Появившиеся со времен Владимира Святого и Ярослава Мудрого школы и библиотеки стали важнейшим средством распространения в Киевской Руси просвещения. Кроме Софийской библиотеки Ярослава Мудрого, в Киеве и некоторых других городах, например в Полоцке, возникают новые библиотеки, в том числе монастырские и частные. Несомненно, богатую библиотеку имел Киево-Печерский монастырь, вырастивший целую плеяду русских писателей, среди которых только одним преподобным Нестора-летописца, «отца русской истории», составляет его немеркнущую славу. Принятый в этом монастыре при игумене Феодосии Печерском († 1074) Студийский устав вменял в обязанность каждому монаху чтение книг, получаемых в монастырской библиотеке у монаха-библиотекаря. Из жития игумена Феодосия, написанного преподобным Нестором, узнаем, что в кельеи преподобного Феодосия шла напряженная работа по изготовлению книг: монах Иларий днем и ночью писал книги, монах Никон переплетал их, а сам игумен Феодосий пряд нити для переплета. Много книг имел у себя монах этого монастыря Никола Святоша († 1143), передавший затем свою личную библиотеку Киево-Печерскому монастырю.

Необходимость христианского просвещения по книгам глубоко осознавалась в то время на Руси, о чем свидетельствует хотя бы следующий вдохновенный призыв русской летописи (1037): «Велика ведь бывает польза от учения книжного; книги наставляют и научают нас пути покаяния, ибо мудрость обретаем и воздержание в словах книжных. Это — реки, напоющие вселенную, это — источники мудрости, в книгах ведь неизмеримая глубина, ими мы в печали утешаемся, они — узда воздержания... Если поищешь в книгах мудрости прилежно, то найдешь великую пользу для души своей. Кто ведь часто читает, тот беседует с Богом или со святыми мужами. Читая пророческие беседы и евангельские и апостольские поучения и жития святых отцов, получаем для души великую пользу».

Переводная литература (библейские и богослужебные книги, творения святых отцов, жития святых, номоканоны, хроники), первоначально поступавшая на Русь из Болгарии, и возникшая отчасти под ее влиянием русская литература были преимущественно религиозными по своему содержанию. Такой характер древнерусской литературы объясняется, с одной стороны, живым интересом новопросвещенного, в связи с Крещением Руси, древнерусского общества к вопросам христианской веры и морали, а с другой — тем, что писателями в то время были лица из духовного сословия.

Так, митрополит Иларий написал (в промежутке 1037—1050 годов) замечательное по своей религиозно-философской тематике произведение, полное заглавие которого указывает на его основное содержание: «О законе, данном через Моисея, и о благодати и истине, происшедшей через Иисуса Христа; и о том, как закон прешел, а благодать и истина наполнили всю землю, и вера распространилась между всеми народами и достигла нашего русского; также похвала кагану (т. е. князю. — И. Б.) нашему Владимиру, которым мы крещены, и молитва к Богу от всей земли нашей». Это «Слово о Законе и Благодати», как принято называть его в сокращении, предназначенное, по словам самого автора, для насытившихся с избытком книжной мудростью, служит показа-

телем высокой степени развития просвещения на Руси при Ярославе Мудром. «Нельзя не удивляться зрелости ума, глубине чувства, обилию богословских сведений и тому ораторскому одушевлению и искусству, какими запечатлено это образцовое слово», — пишет об этом произведении митрополит Московский Макарий (Булгаков) <sup>12</sup>.

Преподобный Нестор († 1114), монах Киево-Печерского монастыря, написал житие святых страстотерпцев Бориса и Глеба, убитых Святополком в 1015 году, и житие преподобного Феодосия Печерского, положив начало русской агиографической литературе. Преподобному Нестору принадлежит заслуга в составлении нового летописного свода — «Повести временных лет», которая, по отзыву выдающихся русских ученых, является «цельной литературно изложенной историей Руси» (Д. С. Лихачев) и одним «из произведений человеческого гения» (Б. Д. Греков).

Талантливым и плодовитым писателем был епископ Туровский Кирилл († после 1182) — «Русский Златоуст», оставивший после себя богатое литературное наследие в виде торжественных проповедей, аскетических и гимнографических произведений. Не останавливаясь на других писателях, приведу справедливое обобщение выдающегося исследователя Киевской Руси академика Б. Д. Грекова: «Вообще образованных и талантливых людей на Руси в это время было уже много. Конечно, не все были Иларионами или хотя бы приближающимися по силе таланта к неизвестному нам по имени автору «Слова о полку Игореве», но ведь люди, им подобные, ни в какое время и ни в какой стране не считаются дюжинами» <sup>13</sup>.

Русское церковное зодчество и иконопись нашли свое яркое воплощение в сооружении и росписи грандиозных и великолепных каменных храмов с их роскошными фресками и мозаикой. Образцами высокого монументального искусства являются сохранившиеся до наших дней киевский Софийский собор, новгородская София, черниговский Спасо-Преображенский собор, Успенский, Дмитриевский соборы, церковь Покрова-на-Нерли во Владимире и некоторые другие древнерусские храмы. Всесокрушающее время наложило на них свой отпечаток: многие из них не сохранились в своем первоначальном виде, но после проведенной за последние годы реставрации отдельные из них снова предстали в своей первозданной красоте. Некоторые древнерусские храмы сильно пострадали или совсем были уничтожены во время Великой Отечественной войны 1941—1945 годов: Успенский собор Киево-Печерского монастыря и храм Спаса-Нередицы в Новгороде с их неповторимой художественной росписью <sup>14</sup>.

С Крещением Руси расширяются и крепнут международные связи Древнерусского государства со многими другими христианскими странами, скрепляемые нередко династическими брачными союзами. Так, вступив в брак с византийской царевной Анной, князь Владимир тем самым породнился с немецким императором Оттоном II, который ранее женился на сестре Анны Феодании. Летописец отмечает (996), что князь Владимир «жил в мире с окрестными князьями — с Болеславом Польским, и со Стефаном Венгерским, и с Андрихом Чешским. И были между ними мир и любовь». Сын князя Владимира Ярослав Мудрый был женат на дочери шведского короля Олафа Ирине, сын Ярослава

Всеволод — на дочери византийского императора Константина Мономаха, дочь Ярослава Мудрого Анна была замужем за французским королем Генрихом I, Анастасия — за венгерским королем Андреем I, Елизавета — за Гаральдом Норвежским, польский король Казимир был женат на сестре Ярослава Марии.

Таким образом, благодаря Крещению Руси укрепилось международное положение Древнерусского государства, Киевская Русь приобрела высокую христианскую культуру, но, самое главное, стала иметь в лице Русской Православной Церкви могучую религиозно-нравственную силу, оказавшую огромное влияние на духовную жизнь русского народа, в церковной реальности которого Православие стало воплощаться в Святую Русь.

Возникшая в результате Крещения Руси при Владимире Святом Русская Православная Церковь в административном отношении была подчинена Константинопольскому патриарху, а в организационном — представляла собой одну из митрополий Константинопольского патриархата<sup>15</sup>. Это подчинение новой Поместной Русской Православной Церкви власти Константинопольского патриарха не имело за собой никаких оснований. К такому выводу пришел в итоге своих научных изысканий церковный историк академик Е. Е. Голубинский. «Греческая Церковь не имела совершенно никакого права на то, чтобы подчинить себе Церковь Русскую, и последняя не имела совершенно никакой обязанности к тому, чтобы признать над собой власть Церкви Греческой... Русская Церковь не только имела право на то, чтобы быть совершенно самостоятельной и независимой, но еще и на то, чтобы устроить свою внутреннюю администрацию так, как ей самой желалось и представлялось лучшим, исключительно по своей собственной воле»<sup>16</sup>. Е. Е. Голубинский высказал даже предположение, что Русская Православная Церковь первоначально была независимой, имея автокефального архиепископа, но потом, возможно, еще при князе Владимире или же в первые годы правления князя Ярослава Мудрого, была лишена автокефалии и подчинена Константинопольскому патриарху<sup>17</sup>.

Свою власть над Русской Православной Церковью Константинопольский патриарх осуществлял через избираемого им и поставляемого на Русь митрополита-грека. Такой порядок избрания митрополитов не вполне соответствовал церковным канонам, согласно которым право избрания митрополита принадлежит собору епископов митрополии, а патриарху — право посвящения избранного кандидата в сан митрополита (28 правило IV Вселенского Собора). Применительно к Русской Православной Церкви строгое соблюдение церковных канонов означало бы, что русского митрополита должен был избирать не Константинопольский патриарх, а собор епископов Русской митрополии. Однако, подчинив себе без всяких на то оснований Русскую Православную Церковь, Константинопольский патриарх вместе с тем лишил ее на долгое время возможности иметь природных русских митрополитов, которые, конечно, более подходили к условиям русской церковной жизни, чем не знавшие языка и народных обычаев митрополиты-греки.

Во внутренние дела Русской митрополии Константинопольский патриарх, как правило, не вмешивался, если церковная жизнь там протекала канонически и к нему не поступало апелляций на суд митропо-

лита. Все церковные вопросы в пределах Русской митрополии решались митрополитом, при участии собора русских епископов, самостоятельно, и патриаршего утверждения принятых решений не требовалось. Небезынтересно отметить, что Константинопольский патриарх, как сообщает византийский писатель Георгий Кодин († начало XV века), посылал к русскому митрополиту свои грамоты не с восковой печатью, как ко всем прочим митрополитам, а со свинцовой, как это было принято по отношению к представителям Автокефальных Церквей.

Все это как будто дает основание полагать, что Русская Православная Церковь в период ее зависимости от Константинопольского патриарха (до 1448 года) пользовалась если не *de jure*, то *de facto* значительными правами церковной автономии. Такой характер взаимоотношений Константинопольской и Русской Церквей, по-видимому, объясняется как их национальной разобщенностью, так и отдаленностью Русской митрополии, находившейся к тому же в пределах независимого от Византии государства.

Несмотря на то, что назначаемые Константинопольским патриархом митрополиты-греки, в той или иной степени, вводили на Руси греческие формы богослужения, церковного управления и суда, приспособлявая их к местным условиям (русская церковная жизнь, в отличие от греческой, имела много своих чисто русских особенностей), церковная зависимость от иноземной власти, представителем которой на Руси был митрополит-грек, все же не могла быть приятной ни русскому народу, ни его правителям, которым, естественно, хотелось видеть у руля своей Поместной Церкви природных русских митрополитов, церковно-административная деятельность которых в знакомой и родной для них среде могла быть более полезной и плодотворной.

Поэтому уже со времени князя Ярослава Мудрого предпринимаются попытки к избранию и поставлению митрополитов из русских. По сообщению «Повести временных лет», в 1051 году Ярослав Мудрый возвратил на Русскую митрополию благочестивого и образованного пресвитера Илариона, «русского родом, в церкви святой Софии, собрав для того епископов». Летопись, к сожалению, ничего не сообщает о причинах поставления в митрополиты пресвитера Илариона и о дальнейшей судьбе этого первого митрополита из русских. Поставление на Руси митрополита Илариона, кажется, правильнее было бы рассматривать в смысле борьбы Ярослава Мудрого за независимость Русской Православной Церкви от Константинопольского патриарха. В русском обществе времени Ярослава Мудрого идея о праве Русской Церкви на полную самостоятельность, несомненно, была популярной; во всяком случае, «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона проникнуто этой церковно-национальной идеей<sup>18</sup>.

Но добиться автокефалии Русской Церкви Ярослав Мудрый не смог: политические интересы возобладали у него над церковными. В 1052 году, может быть в самом начале 1053 года, Ярослав Мудрый женил своего сына Всеволода на греческой царевне (от этого брака родился в 1053 году Владимир Мономах), что в то время могло быть возможным при условии отстранения, по требованию Константинополя, митрополита Илариона и возобновления прежних церковных отношений.

Непризнание Константинопольским патриархом митрополита Ила-

риона как будто бы подтверждается и полной неизвестностью его дальнейшей судьбы. Говоря о священниках на похоронах Ярослава Мудрого в 1054 году, летописец не упоминает при этом никакого митрополита, а в 1055 году, согласно сообщению Новгородской летописи, на Руси был уже новый митрополит — Ефрем<sup>19</sup>.

Второй случай избрания и поставления на Русь митрополита из русских произошел в 1147 году, когда шесть епископов, исполняя желание великого князя Изяслава Мстиславича († 1154), посветили в сан митрополита образованного монаха-схимника Климента Смолятича († после 1164). Три епископа, из них два грека и один русский — новгородский Нифонт, отказались принять участие в посвящении Климента Смолятича и не признавали его законным митрополитом на том основании, что он был поставлен без ведома Константинопольского патриарха. Константинопольский патриарх Николай Музалон своими посланиями поддержал противников Климента Смолятича. Сменивший князя Изяслава Юрий Долгорукий († 1157) удалил с митрополичьей кафедры Климента Смолятича и принял митрополита Константина, назначенного Константинопольским патриархом.

Трудно с уверенностью сказать, хотел ли князь Изяслав возведением Климента Смолятича на Русскую митрополию положить начало независимому порядку избрания и поставления русских митрополитов, то есть добиться автокефалии Русской Православной Церкви, как думал митрополит Макарий, или же Изяслав «не имел намерения навсегда ввести новый порядок избрания митрополитов», как полагал академик Е. Е. Голубинский<sup>20</sup>, но из факта непризнания Климента Смолятича законным митрополитом тремя русскими епископами, князем Юрием Долгоруким и даже братом Изяслава, Ростиславом Смоленским, следует, что им была чужда мысль о разрыве отношений с Константинопольским патриархом.

Поставлением русских митрополитов Илариона и Климента Смолятича, с одной стороны, отменялся неканонический обычай избрания русских митрополитов Константинопольским патриархом и восстановление канонического порядка их избрания, с другой стороны, в силу сложившихся церковных взаимоотношений, при которых Русская митрополия оставалась составной частью Константинопольского патриархата, поставление избранного на Русь кандидата в митрополиты собором русских епископов, без согласия Константинопольского патриарха, было нарушением канонического порядка и вело к церковному конфликту. Поэтому время правления Русской митрополией Климента Смолятича (1147—1155) принято считать периодом раскола (схизмы) с Константинопольским патриархом.

Строго охраняя неканонический обычай избирать и каноническое право посвящать митрополитов на Русскую митрополию, Константинопольский патриарх пресекал попытки к разделению единства Русской митрополии. В 1162 году князь Андрей Боголюбский обратился к патриарху Луке Хризoberгу с просьбой отделить Суздальскую область от епархии Ростовской и учредить в г. Владимире отдельную митрополию, поставив митрополитом некоего избранного князем Федора, но получил отказ. Канонически этот отказ Константинопольского патриарха оправдан быть не может: в соответствии с 17 правилом IV Вселенского Со-

бора и 38 правилом VI Вселенского Собора на Руси могло быть образовано несколько митрополий, поскольку территориально Русская митрополия превосходила Константинопольский патриархат со всеми его греческими митрополиями и, кроме того, этому способствовало административное деление Киевской Руси. Но исторически для Русской Православной Церкви в то время было полезнее иметь одного митрополита, который в церковном отношении объединял раздробленную политически Киевскую Русь, что имело немаловажное государственное значение.

Указанные случаи избрания митрополитов из русских и попытка Андрея Боголюбского учредить еще одну митрополию на Руси ясно показывают, что вопрос о праве самостоятельно избирать своих митрополитов стал отчетливо сознаваться на Руси и опека Константинопольского патриарха над Русской Православной Церковью, по мере ее роста и развития, становилась нежелательной. Во второй половине XIII века избрание митрополитов из русских становится более частым явлением, но посвящение избранных на Руси кандидатов в митрополиты совершалось Константинопольским патриархом; в этих случаях достигалось каноническое равновесие, нарушавшееся продолжающимся назначением митрополитов-греков. Именно таким образом были поставлены из русских митрополиты: Кирилл III (1249—1281), Петр (1308—1326) и Алексий (1354—1378), оказавшиеся выдающимися церковными деятелями в самый трудный и ответственный период жизни Русской Православной Церкви и Русского государства под игом Золотой Орды.

Избранный на Русскую митрополию галицко-волынским князем Даниилом Романовичем (1229—1264) митрополит Кирилл III получил посвящение от Константинопольского патриарха в г. Никее (Константинополь с 1204 по 1261 год был занят крестоносцами). Это был первый случай отказа Константинопольского патриарха от обычая неканонического избрания русского митрополита. Такая уступка со стороны патриарха объясняется тем, что после митрополита Иосифа, покинувшего Русскую митрополию во время нашествия орд Батыя, среди греческого духовенства не нашлось желающих быть митрополитом в разоренной Руси.

Своим частым и долгим пребыванием во Владимире, столице великого князя северо-восточной Руси, митрополит Кирилл III предрешил вопрос о перемещении резиденции русского митрополита из Киева во Владимир, что и было осуществлено его преемником митрополитом-греком Максимом (1283—1305) вскоре после разорения Киева в 1299 году. Переселением русского митрополита во Владимир остался недоволен галицко-волынский князь Юрий Львович (1301—1315), который в 1303 году добился от Константинопольского патриарха учреждения особой митрополии для Галиции. После первого митрополита Нифонта († около 1307) Юрий Львович в качестве кандидата на митрополию избрал игумена расположенного неподалеку от Львова Ратского монастыря Петра и отправил его для посвящения в Константинополь. Патриарх Афанасий, в связи с кончиной митрополита Максима († 1305), поставил Петра митрополитом всея Руси.

С именем митрополита Петра (1308—1326) связано переселение русских митрополитов из Владимира в Москву. Московский князь Иван

Данилович Калита, понимая, какое огромное значение будет иметь для Москвы пребывание в ней русских митрополитов, приобрел расположение митрополита Петра, убедил его в конце 1325 года переселиться в Москву. «Пребывание митрополита в Москве давало этому городу значение главного города всей земли, потому что князей было много, а митрополит был один»<sup>21</sup>.

Преемник святого митрополита Петра митрополит-грек Феогност (1328—1353) по прибытии на Русь поселился в Москве, которая, таким образом, «стала церковной столицей Руси задолго прежде, чем сделалась столицей политической»<sup>22</sup>. Поддерживая своим архипастырским влиянием московских князей Ивана Даниловича Калиту и его сына Семена Гордого (1340—1353), митрополит Феогност оказал важную услугу Русской Православной Церкви, согласившись, чтобы его преемником на митрополию стал крестник Ивана Калиты — знаменитый впоследствии митрополит Алексий (1354—1378), о чем митрополит Феогност заранее известил Константинопольского патриарха.

Хотя Константинопольский патриарх Филофей удовлетворил просьбу митрополита Феогноста и возвел епископа Владимирского Алексия в сан митрополита, однако в Константинополе обратили внимание на тот факт, что на Русскую митрополию слишком часто ставятся митрополиты из русских, и решили положить этому конец. В соборном решении по поводу посвящения митрополита Алексия говорилось: «Хотя подобное дело совершенно необычно и небезопасно для Церкви (читай: Константинопольской. — *И. Б.*), однако ради достоверных и похвальных свидетельств о нем (Алексие) и ради добродетельной и богоугодной его жизни мы судили этому быть, но это относительно одного только кир Алексия и отнюдь не дозволяем и не допускаем, чтобы на будущее время сделался архиереем (митрополитом) русским кто-нибудь другой, устремившийся (сюда) оттуда: из (клириков) сего богопрославленного, боговозвеличенного и благоденствующего Константинополя должны быть поставляемы митрополиты русские»<sup>23</sup>. Митрополит Алексий хотел, чтобы после него Русскую митрополию возглавил русский, и поэтому предложил Преподобному Сергию Радонежскому быть его преемником по митрополии, но строгий подвижник решительно отказался занять столь высокий и ответственный пост.

В середине XV столетия внутренняя и внешняя церковно-политическая обстановка на Руси была такова, что «полная автокефалия Русской Православной Церкви явилась естественным и необходимым выводом»<sup>24</sup>. В то время как Русское государство, объединяемое Москвой, росло, крепло и в 1480 году окончательно сбросило золотоордынское иго, Византия под натиском турок в середине XV века приближалась к своему закату. Рассчитывая на помощь со стороны римского папы, византийский император Иоанн VI Палеолог († 1448) и Константинопольский патриарх Иосиф († 1439) путем измены Православию вынуждены были заключить в 1439 году Флорентийскую унию.

Самым «главным творцом и виновником этой Флорентийской унии»<sup>25</sup> оказался последний русский митрополит из греков Исидор (1436—1441), пользовавшийся большим влиянием и авторитетом среди своих соотечественников на соборе во Флоренции. Склоняя императора и патриарха к унии на условиях, предъявленных римским папой Евге-

нием IV (принятие католических догматов и признание главенства папы), митрополит Исидор говорил: «Лучше душою и сердцем соединиться с латинянами, нежели, не кончив дела, возвратиться; возвратиться, конечно, можно, но как возвратиться, куда, когда?»<sup>26</sup>.

Надежды спасти Византию от турок с помощью римского папы не оправдались. Римские папы XV века уже не были теми могущественными владыками, какими были их предшественники XI—XIII веков. На православном Востоке и на Руси Флорентийская уния была решительно отвергнута. 29 мая 1453 года Константинополь был взят турками, и Византийская империя прекратила свое существование.

По возвращении в Москву в марте 1441 года митрополит Исидор за измену Православию был осужден и по приказанию великого князя Василия Темного (1425—1462) заключен в Чудов монастырь, откуда вскоре сбежал в Рим. Свергнув с митрополичьей кафедры Исидора-униата, русские, естественно, не могли просить константинопольских патриархов-униатов Митрофана (1440—1443) или Григория Мамму (1445—1450) о посвящении на Русскую митрополию природных русских митрополитов, ни тем более принимать от них митрополитов-греков. В сложившейся обстановке русские имели полное каноническое право не только фактически прекратить церковное общение с изменившими Православию патриархами, что они и сделали, но формально объявить о своей церковной независимости от этих патриархов; не объявили, возможно, потому, что, зная, как непопулярна Флорентийская уния среди греческого духовенства и народа, надеялись на скорое возвращение на патриарший престол верных Православию патриархов.

Оставалось без формального разрыва с Константинопольским патриархом избрать и поставить собором русских епископов на Русскую митрополию природного русского митрополита. 15 декабря 1448 года русские епископы в московском Успенском соборе поставили митрополитом избранного еще в 1432 году, после митрополита Фотия (1410—1431), но не получившего в Константинополе посвящения в связи с назначением Исидора, епископа Рязанского и Муромского Иону (1448—1461). С этого времени и начался период независимости Русской Православной Церкви от Константинопольского патриарха, период ее Автокефалии.

Если митрополит Иона был поставлен на Руси собором русских епископов потому, что в то время на Константинопольском патриаршем престоле был патриарх-униат Григорий Мамма, то все последующие преемники святого Ионы не могли посвящаться в Константинополе уже по другой причине: после падения Византии Константинопольский патриарх стал подданным турецкого султана, который, по примеру византийского императора, утверждал патриарха и вручал ему инсигнии его сана. «Русские должны были гнушаться мыслью, чтобы их митрополит ходил для посвящения в Константинополь... чтобы чрез рабство патриарха султану и они до некоторой степени становились рабами этого ненавистника креста Христова»<sup>27</sup>.

Поэтому еще при святом Ионе, но после взятия турками Константинополя в 1453 году на Руси «принято было решение, чтобы на будущее время ставить митрополитов наших в самой Москве и своими русскими епископами, так чтобы митрополиты могли быть на будущее

время фактически независимыми от патриархов»<sup>28</sup>. Автокефалия Русской Православной Церкви, не признанная Константинопольским патриархом *de jure*, признавалась им до учреждения Московского патриаршества *de facto*.

В 1589 году в жизни Русской Православной Церкви произошло важное событие: Московская митрополия была возведена на степень патриархата. Развитию идеи патриаршества на Руси способствовало, с одной стороны, падение Константинополя, преемницей которого, по мнению русских, стала теперь Москва, что нашло свое выражение в распространенном тогда на Руси афоризме: «Два Рима (Рим и Константинополь) пали, третий (Москва) стоит, а четвертому не быть», а с другой — возросшее могущество Русского государства, которое, сбросив с себя ордынское иго, при Иване Грозном покорило казанское (1552), астраханское (1556) и сибирское (1581) ханства, возникшие в результате распада Золотой Орды. Одновременно с ростом и усилением Русского государства росла и развивалась внутренне и внешне Русская Православная Церковь, которая в XVI веке была самой большой, богатой и единственной из всех Православных Церквей независимой от иноверной власти. «Русский митрополит, по власти и значению в своей Церкви, вполне равнялся патриархам и даже превосходил их: ему недоставало только патриаршего имени»<sup>29</sup>.

Непосредственным поводом к реализации возникшей на Руси идеи патриаршества послужил приезд в Москву Константинопольского патриарха Иеремии II, который 26 января 1589 года в Успенском соборе возвел Московского митрополита Иова в сан патриарха. Московское патриаршество было затем признано и утверждено всеми православными патриархами Востока на Константинопольском соборе 1593 года, и Московскому патриарху, равному по чести и достоинству с другими патриархами, канонически отведено было пятое место после Иерусалимского патриарха.

Таким образом, независимая с 1448 года *de facto* Русская Православная Церковь получила, наконец, полное признание своей автокефалии *de jure* в 1589 году.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Евсевий, епископ Кесарийский. Церковная история. СПб., 1858, с. 105.

<sup>2</sup> Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Том I, первая половина. М., 1901, с. 12, примечание.

<sup>3</sup> «Повесть временных лет». Часть первая, текст и перевод. М.—Л., 1950.

<sup>4</sup> Голубинский Е. Е. Указ. соч., с. 51.

<sup>5</sup> Там же, с. 41, примеч. 1.

<sup>6</sup> Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 88.

Широкие христианизаторские замыслы княгине Ольге приписывают Приселков М. Д. (Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913) и Пархоменко В. А. (Начало христианства на Руси. Полтава, 1913).

<sup>7</sup> «Прибавления к творениям святых отцов», 1844, ч. II, с. 272—273.

<sup>8</sup> Там же, с. 276.

<sup>9</sup> Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 478.

<sup>10</sup> Ключевский В. О. Очерки и речи. Пг., 1918, с. 89.

<sup>11</sup> Митрополит Макарий. История Русской Церкви. Т. 1. СПб., 1889, 123.

<sup>12</sup> Греков Б. Д. Указ. соч., с. 420.

<sup>14</sup> Храм Спаса-Нередицы в архитектурной своей части был восстановлен в 1956—1957 годах. Намечается восстановление Успенского собора Киево-Печерского монастыря.

<sup>15</sup> Существует малоубедительная гипотеза М. Д. Приселкова о первоначальном подчинении Русской Православной Церкви Болгарскому (Охридскому) патриарху и об учреждении в 1037 году в Киеве «греческой» митрополии Константинопольского патриархата.

<sup>16</sup> Голубинский Е. Е. Указ. соч., с. 262—263.

<sup>17</sup> Там же, с. 264—269.

<sup>18</sup> Прославляя князя Владимира, митрополит Иларион сравнивал его с императором Константином Великим: «Подражатель великого Константина, равный ему умом, равный любовью ко Христу и почитанием служителей его!.. Тот покорила Богу царство еллинское и римское, а ты, блаженный, тоже сделал в России... Тот с матерью своею Еленю утвердил веру... а ты утвердил веру с бабкою твоею Ольгою... И, как подобного Константину, Бог соделал тебя участником единой с ним славы и чести на небесах...» Напрашивался вывод о равноправии Русской и Греческой Церквей.

<sup>19</sup> Желание проследить дальнейшую судьбу митрополита Илариона заставляет некоторых исследователей высказывать предположения о тождественности митрополита Илариона, будто бы принявшего схиму, митрополиту Ефрему митрополит Евгений Болховитинов); упоминаемому в житии преподобного Феодосия Печерского, составителю летописного свода 1073 г. и впоследствии игумену Киево-Печерского монастыря Никону († 1088) (М. Д. Приселков); и, наконец, упоминаемому в том же житии черноризцу Илариону (Н. Н. Розов).

<sup>20</sup> Голубинский Е. Е. Указ. соч., с. 303.

<sup>21</sup> П. Знаменский, профессор. Учебное руководство по истории Русской Церкви. СПб., 1904, с. 81.

<sup>22</sup> Ключевский В. О. Сочинения. Т. 2. М., 1957, с. 24.

<sup>23</sup> Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Том II, первая половина. М., 1900, с. 178.

<sup>24</sup> Муравьев Н. И. Пятисотлетний юбилей автокефалии Святой Русской Православной Церкви. М., 1948, с. 14.

<sup>25</sup> Голубинский Е. Е. Указ. соч., т. 2, с. 441.

<sup>26</sup> Там же, с. 442.

<sup>27</sup> Там же, с. 509.

<sup>28</sup> Там же, с. 511.

<sup>29</sup> Митрополит Макарий. Указ. соч., т. X, 1902, с. 7.